

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Ню Ю. Прототип в романе А. Варламова «Мысленный волк» // Филология: научные исследования. 2024. № 8.
DOI: 10.7256/2454-0749.2024.8.71455 EDN: YGPQAW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71455

Прототип в романе А. Варламова «Мысленный волк»

Ню Юэцю

аспирант, кафедра русского языка и литературы, Дальневосточный федеральный университет

690922, Россия, г. Владивосток, ул. Аякс, 101007

✉ nyu.yu@dvfu.ru

[Статья из рубрики "Литературный герой"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.8.71455

EDN:

YGPQAW

Дата направления статьи в редакцию:

11-08-2024

Аннотация: Данная статья посвящена изучению прототипов в романе «Мысленный волк», образы которого составляют как вымышленные, так и реальные персонажи. Автор вывел их под другими именами, но прототипы легко угадываются: Легкобытов Павел Матвеевич – это Пришвин Михаил Михайлович, Савелий Круд – Грин Александр Степанович, а «мужик/старец/странник» – Распутин Григорий Ефимович. Межтекстовые связи биографий прототипов и романа демонстрируют авторскую установку на воссоздание той действительности, которую он не смог изобразить в рамках документального биографического повествования. Читателю и исследователю предоставляется уникальная возможность наблюдать, как на базе жизненного материала исторических лиц рождается художественная действительность, преломленная в сознании автора. Сам автор не раз в своих интервью давал ключ к пониманию замысла романа, говоря, что он смог высказать через вымышленных героев то, что не высказал в биографиях прототипов. В статье применяются следующие методы исследования: сопоставительный, герменевтический, сравнительно-типологический, описательный. С помощью системного подхода обеспечивается аналитическое исследование прототипов в романе. Несмотря на совпадение фактического материала Варламов устанавливает дистанцию между изображаемыми в романе героями и их

прототипами, дает им новые имена, помещает в несколько иные событийные контексты. Так, на переплетении вымысла и реальных событий создается художественный мир. Актуальность видится в обращении к одной из ключевых проблем литературоведения на материале произведения современного автора. Именно биографии прототипов становятся тем стержнем, на который нанизываются вымышленные события и который определяет сюжетные линии вымышленных персонажей. В силу указанного выше биография не является ни рамочным компонентом, ни автономным жанром, но становится некой парадигмой для сюжетного строения романа. И уже в этой парадигме каждый из героев волен высказывать свои идеи, спорить о настоящем и будущем России, наблюдать эпоху исторических социальных переворотов и войн.

Ключевые слова:

биография, прототип, вымысел, реальные события, Пришвин, Легкобытов, Савелий Круд, Александр Грин, мужик, Распутин

Роман «Мысленный волк» открывает широкое поле для исследований, А. Латынина одна из первых посвятила свою критическую статью рассмотрению героев, биографической подоплеке романа, а также пониманию исторической концепции [\[10\]](#). Современные исследователи рассматривают тему революции и исторического прошлого в романе [\[9, 8\]](#). Различным аспектам поэтики романа посвящены работы Я. Солдаткиной (творческое наследие А. Платонова в творчестве Варламова) [\[13\]](#), В.И. Еркина (о прототипах в романе) [\[7\]](#). Осмыслению романа с точки зрения «конструирования особых «мысленных» мирообразов» посвящен раздел исследования Г.Т. Гариповой [\[6\]](#). В.А. Мескин соотнес сюжетно-композиционную структуру и мотивный уровень текста с символистской поэтикой начала XX века – Ф. Сологуба, В. Брюсова, но прежде всего с поэтикой автора «Петербурга» А. Белого [\[12\]](#).

Систему образов романа «Мысленный волк» составляют как вымышленные, так и реальные персонажи. Среди последних встречаются герои биографических книг А. Варламова: Михаил Михайлович Пришвин, Александр Степанович Грин и Григорий Ефимович Распутин. Автор вывел их под другими именами, но прототипы легко угадываются: Легкобытов Павел Матвеевич - это Пришвин Михаил Михайлович, Савелий Круд – Грин Александр Степанович, а «мужик/старец/странник» – Распутин Григорий Ефимович.

Рассмотрение романа «Мысленный волк» вне связи с биографиями, написанными Варламовым, существенно сузит «горизонт» читательского восприятия. Ведь сам автор не раз в своих интервью давал ключ к пониманию замысла романа. Например, в журнале «Русский язык в центре Европы. Ассоциация русистов Словакии» опубликовано интервью, в котором Варламов подробно говорит о причинах, побудивших его обратиться к героям своих биографий, но уже сделав их прототипами: «Получилось так, что я писал писательские биографии, но я чувствовал, что есть довольно много каких-то вещей, которые в них не вмещаются. Потому что, с моей точки зрения, биография – это жанр очень строгий, не должно быть никаких домыслов, допусков, все очень строго и точно. А когда работаешь с материалом, то появляются и такие туманные, сомнительные вещи, до конца не понятные. Просто то, что не влезает в документальную прозу, оно как раз может быть использовано в художественной прозе. В связи с этим я даже придумал

такую метафору: биографии, которые я написал, – это твердая почва, а над этой твердой почвой стелется туман. А этот Мысленный волк – такой туман, который стелется над моими романами. Мне в этом тумане очень интересно, так как я смог высказать про Серебряный век и моих героев то, что я не высказал в своих биографиях» [\[15, с. 46\]](#). Варламов предоставляет читателю и исследователю уникальную возможность наблюдать, как на базе жизненного материала, исторической реальности рождается художественная действительность, преломленная в сознании художника слова.

Легкобытов Павел Матвеевич – Пришвин Михаил Михайлович. У персонажа, как и у его прототипа, большая семья, отец умер, когда они были ещё детьми, и мать играла важную роль в жизни мальчиков. Павел Матвеевич вырос в бедной семье в окружении четырёх братьев – мать в одиночку воспитывала пятерых детей: «... и слёзы Павлушиной матери, которая в действительности была бедна и еле-еле растила пятерых детей и в ногах у него валялась, умоляя пощадить её сына и снизить к её несчастному положению» [\[3, с. 66\]](#). Пришвин стал сиротой в восемь лет, отца почти не помнил, и фигура матери вышла для него на первый план: «Отца своего Миша Пришвин знал совсем немного <...> Она овдовела в сорок лет, Миша осиротел в восемь. Об отце он вспоминал, что это был человек мечтательный и бездеятельный <...> Так получилось, что женщины оказывали на мальчика гораздо большее влияние...» [\[4, с. 11-13\]](#).

Поступление в гимназию – еще одна веха совпадения биографии прототипа и героя, упоминается обучение там вместе с Буниным («одноклассник» в романе), исключение из гимназии: «Я был мальчиком, гимназистом <...> А-а, соседка [про Бунина] ... – Мягкие губы презрительно дёрнулись и приоткрыли коричневые зубы. – Одноклассник». Учитель гимназии Р-в в романе описывается как отрицательный персонаж, между ним и Павлом Матвеевичем складываются плохие отношения, и именно Р-в исключает Павла Матвеевича: «Гимназисты относились к педагогу с опаской. Никто не знал, в каком настроении учитель придёт на урок <...> Что ж, я уйду, но ты за мной побегаешь. Уроки для тебя окончены. <...> Я – изгнанный с волчьим билетом из гимназии недоучка...» [\[3, с. 25-28\]](#). Пришвин после окончания сельской школы поступил в гимназию, но плохие отношения с учителем Розановым привели к тому, что его исключили, когда он учился в четвёртом классе, вот как об этом говорится в биографии Пришвина, написанной Варламовым: «В таком именно месте, в елецкой гимназии, в одно время оказались (как после этого не верить в неслучайность всего на свете происходящего) по меньшей мере три личности мирового уровня – Розанов (в качестве учителя), Бунин и Пришвин... <...> Моё первое столкновение с ним [Розановым] было в 1883 году...» [\[4, с. 16\]](#).

Творческий путь Пришвина складывался не вполне прямолинейно, ведь по образованию он был агрономом, и исследователи неоднократно подчеркивали то, что именно полученная профессия дала ему особый взгляд на природу. В романе «Мысленный волк» Варламов пишет: «Легкобытов по первой профессии был агрономом, но на этой ниве ничего не взрастил, если не считать небольшой книги про разведение чеснока, и заделался сначала журналистом, а потом маленьким писателем» [\[3, с. 9\]](#). В биографии «Пришвин» в главе «Основные даты жизни и творчества М.М. Пришвина» автор написал: «1903 – Работа агрономом в Клинском земстве Московской губернии. 1905 – Работа агрономом в г. Луге на опытной станции "Заполье" и в журнале "Опытная агрономия"» [\[4, с. 352\]](#).

Интересен тот факт, что Варламов подробно остановился на автобиографической подоплеке романов, которые пишут его герои – реальный и вымышленный. И здесь в

романе возникает любопытный мотив жизни как текста, как творческого действия столь важного для Серебряного века. В. Ходасевич, современник эпохи Серебряного века, оставивший ценнейшие воспоминания, говорит об общей установке писателей: «Здесь пытались претворить искусство в действительность, а действительность в искусство. События жизненные, в связи с неясностью, шаткостью линий, которыми для этих людей очерчивалась реальность, никогда не переживались, как только и просто жизненные; они тотчас становились частью внутреннего мира и частью творчества. Обратное: написанное кем бы то ни было становилось реальным, жизненным событием для всех. Таким образом, и действительность и литература создавались как бы общими, порою враждующими, но и во вражде соединенными силами всех, попавших в эту необычайную жизнь, в это "символическое измерение"» [\[14, с. 21\]](#). Сложно сказать, намеренно ли Варламов подчеркивал момент преображения жизни Легкобытовым или же следовал за прототипом героя, но попытка Павла Матвеевича на страницах своего романа переиначить события своей жизни четко определена: «Начиная с того, что его маленький герой не присутствует при смерти отца, не пугается в отрочестве продажной женщины и из гимназии его не выгоняют с волчьим билетом, а он сам из неё уходит, скитается по Руси, по тайным её обителям, узнает её неведомых людей, законоучителей, странников и юродивых, путешествует по миру, едет в Америку, а потом возвращается в Петербург и побеждает апокалиптический град тем сокровенным знанием, которого нет ни у кого» [\[3, с. 58\]](#). Интересна в этом плане текстовая переключка с биографией Пришвина: «... замечательно и то, что в качестве места назначения избрана именно Азия. – Почему ты себе выбрал Азию, а не Америку?» [\[4, с. 17\]](#). Как видим, данные межтекстовые связи демонстрируют авторскую установку Варламова на воссоздание той действительности, которую он не смог изобразить в рамках документального биографического повествования. Роман «Мысленный волк» – это ответы на те вопросы, которые задавал автор при написании документальной биографии, но документальность не позволяла выходить за рамки исторической и биографической реальности, а пространство художественного произведения позволяет вольную трактовку.

Биографическая деталь – обучение на агронома в Германии, первая влюбленность, которая не привела к отношениям описывается в обоих произведениях. Пришвин встретился с красивой девушкой и влюбился в неё за рубежом: «Произошло это не в Ельце и вообще не в России, а в Германии, куда Пришвину удалось уехать и поступить на агрономическое отделение Лейпцигского университета <...> отец её, Пётр Николаевич Измалков, был действительным статским советником» [\[4, с. 46-47\]](#). Павел Матвеевич встретил первую любовь, когда был студентом Лейпцигского университета в Берлине: «Она – дочь статского советника из Петербурга. Мы познакомились в Берлине, в Пергамском музее, возле одной очень странной скульптуры. Это мраморное изваяние девочки, одетой в короткую тунику, приспущенную с одного плеча. Волосы у девочки убраны по-взрослому, она сидит, поджав ноги, смотрит вниз и отрешённо перебирает какие-то камушки. Самое поразительное, что, когда глядишь на неё с разных сторон, возникают противоположные ощущения - умиление, печаль, нежность, безысходность» [\[3, с. 16\]](#). В романе сам Легкобытов рассказывает об этом немаловажном эпизоде в своей жизни, в повествовании встречаются дополнительные детали, уже не связанные с жизнью прототипа. Важен также и символизм образа девочки, играющей в камни, для дальнейшего повествования и для раскрытия образа главной героини Ули, которая станет возлюбленной Легкобытова, о чем будет написано ниже.

В романе также нашел отражение такой эпизод их жизни Пришвина, как тюремное заключение: «Через апокалиптический запал Пришвин попал в тюрьму и едва не сошёл

с ума, чуть-чуть руки на себя не наложил и, исцелённый природой и Ефросиньей Павловной, трезво смотрел на вещи, будучи в этом совершенно одиноким. Русскую интеллигенцию тянуло к сектантам (там была свежая кровь) ...» [\[4, с. 88\]](#). В романе автор несколько сгущает ситуацию, показывая, что жизни героя угрожала серьезная опасность: «Легкобытов был схвачен в числе других сотрудников эсеровской газеты «Воля народа», и всех этих людей было решено для устрашения интеллигенции взять в заложники и в случае необходимости расстрелять» [\[3, с. 493\]](#).

Пришвин был корреспондентом во время Первой мировой войны: «И всё же одно дело солдат, другое – корреспондент. <...> 1915–1916 – Поездка [Пришвина] на фронт в качестве военного корреспондента» [\[4, с. 101\]](#). Интересно, что в романе отсутствуют даты, вся хронология в романе выстраивается через соотнесение событий жизни героев с историческими событиями, так и об участии Легкобытова в военных действиях в качестве корреспондента читатель узнает в момент повествования об Уле: «В конце весны Уля наткнулась в «Ниве» на очерк Легкобытова. Ставший военным корреспондентом шеломский охотник по обыкновению добросовестно и цепко описывал то, что видел в зимних Августовских лесах во время отступления русской армии...» [\[3, с. 277\]](#).

Но, конечно, главное совпадение героя и прототипа наблюдается на ментальном уровне, даже если бы читатель ничего не знал об установке автора вывести героев своих биографий в качестве героев романа, у него все равно бы возникло ощущение родства Легкобытова с главным певцом русской природы. Павел Матвеевич в романе «Мысленный волк» изображён писателем, постоянно наблюдающим за природой и изображающим её красоту с благочестивым почтением. Павел Матвеевич старается постичь суть природы: «... он взлетал на высокий кособок, откуда видна была вся окрестная земля вплоть до синевшего вдали озера с парусами рыбаков и куполами далёких храмов. Там он садился у большого лесного пня, доставал из-за пояса тетрадку и сочинял роман о провинциальном, как будто бы робком, но очень зорком загорелом юноше, случайно попадающем из лесной глуши в холодную столицу» [\[3, с. 52\]](#). Глядя на прекрасный пейзаж, он был спокоен и сосредоточен, он погружен в природу, чувствует её сердцем и черпает в природе творческое вдохновение, относясь к ней как к чему-то родному.

То же самое находим в жизнеописании Пришвина. : «Пришвин – пророк экологической литературы» [\[16\]](#). Большая часть его творчества представлена очерками и дневниками. В них природа предстаёт живым существом, обладающим эмоциями. Для героя она подобна матери, заслуживающей любви и понимания. В представлении Пришвина она обладает особым очарованием и полна ярких красок – каждый цветок и дерево у него источают дыхание жизни. Суть творчества Пришвина прекрасно описана в следующем фрагменте: «Если бы природа могла чувствовать благодарность к человеку за то, что он проник в её тайную жизнь и воспел её красоту, то прежде всего эта благодарность выпала бы на долю писателя Михаила Михайловича Пришвина» [\[5\]](#). Таким образом, Варламов в обоих случаях изобразил людей, творчество которых становится эмоциональным мостом между человеком и природой, позволяя читателю больше узнать о красоте окружающего мира.

Прототип Савелия Круда – Грин Александр Степанович. Но Круд скорее второстепенной лицо в романе, он в определенный момент встретился на пути Ули, покорил её мистификациями, опутал мечтой, но после расставания с ним, у нее ничего в жизни и не изменилось, и даже камень, который мог бы символизировать память о

«престижитаторе», у нее украли. Поэтому при использовании биографического пласта прототипа Круда Варламов скорее обходится намеками, точек пересечения у этого героя и прототипа меньше, чем в предыдущем случае, нами описанном. Можно предположить, что Круд в большей степени вымышленный персонаж, возможно, некий собирательный образ всей интеллигенции того периода, талантливой, увлеченной мистификациями, но так и не нашедшей своего места в изменившемся мире. Тем не менее можно увидеть точки соприкосновения некоторых событий жизни Грина и Круда.

В первую очередь это сложное детство, ранняя утрата и общая неприкаянность. Мать Грина умерла рано, когда ему было 12 лет. Потеря матери стала тяжёлым испытанием для героя: «... когда отец закрывал дверь, и мне было поздно утешить её <...> потерявшему в отрочестве мать Грину всегда не хватало женской, материнской любви и ласки и эта смерть сильно повлияла на его характер, то, что он всю жизнь этой любви искал, несомненно» [\[1\]](#). «Мать болела, отец сильно и часто пил, долги росли; всё вместе взятое создавало тяжёлую и безобразную жизнь. Среди убогой обстановки, без сколько-нибудь правильного руководства, я рос при жизни матери; с её смертью пошло ещё хуже» [\[1\]](#). Практически вторит этой истории и события жизни Круда, единственно дается авторская мотивировка поступков героя, чего в биографическом повествовании Варламов себе не позволял. Вот, например, история семьи: «...из которой его вышвырнула в тринадцатилетнем возрасте мачеха, а отец не стал за сына заступаться, но откупился деньгами. Те два червонца, которых другому могло бы хватить на полгода экономной жизни, юный Круд за месяц проел в одесских ресторанах и с той поры всю жизнь то голодал, то шиковал, но своего отношения к законам жизни не менял» [\[3, с. 416\]](#).

Подробное описание в биографии Грина его «взаимоотношений» с революцией: «Нечто подобное – «преступление и наказание» – выпало в молодости и на долю самого Грина, только, отшатнувшись от призрака революции, он ушёл совсем в другую сторону. Однако тема прихода и ухода из революции стала для Грина одной из самых важных, можно сказать, родовых. Как родовая травма» [\[1\]](#). В романе заменяется довольно лаконичным и, можно сказать, ироничным перечислением: «Вслед за семьёй и гимназией пришла очередь армии, тюрьмы и прочих общественных институтов...» [\[3, с. 416\]](#).

Психологический портрет героя и прототипа тем не менее совпадает. В романе автор останавливается на такой черте Круда, как мизантропия: «Люди за редким исключением казались ему тупыми, жадными, самодовольными существами, но более всего на свете он не любил их сообщества <...> Насколько сильно Савелий не любил толпу, настолько же он любил одиночек и повсюду их искал» [\[3, с. 416\]](#). Здесь художественно обыгрываются слова Грина о себе, которые Варламов привел в биографии писателя: «В общем, сверстники меня не любили; друзей у меня не было. <...> Играть я любил больше один, за исключением игры в бабки, в которую вечно проигрывал...» [\[1\]](#).

Важным для создания и «угадывания» прототипа, по нашему мнению, становится любовь к морю, кораблям и стремлению на юг: «Расставшись с Улей, Савелий двинулся в порт. Он любил лишь парусные суда и те города, в чьи гавани одним парусникам дозволено заходить, но за неимением таких городов отправлялся в обычный порт, где стояли под разгрузкой или загрузкой скучные серые корабли... <...> Бежать надо было не на север, а на юг» [\[3, с. 421, 427\]](#). В биографии Грина читаем близкое: «Путь Грина лежал на юг, в Одессу, к морю. Он хотел стать моряком. Море казалось ему альтернативой Вятке, убогой провинциальной жизни, скуке, косности, собственной никчёмности – море было

выходом из «Моей жизни» в тот мир, где все окружающие его «моряки и, в особенности, матросы в их странной, волнующей отблесками неведомого, одежде, – были герои, гении, люди из волшебного круга далёких морей...» [\[1\]](#).

Важным для соприкосновения образа Грина и образа Круда является образ возлюбленной. У Круда – Аля: «Аля чувствовала свою вину и решила устроить ему побег. Подогнала к берегу турецкую яхту с красными парусами...» [\[3, с. 213\]](#). У Грина – Екатерина: «Грин давно любил ту женщину, которая в роковой ноябрьский день 1903 года отправила его на задание вопреки его предчувствиям, а потом безуспешно пыталась вытащить из тюрьмы, но вместо этого сама угодила в ссылку в Холмогоры. Он любил Екатерину Александровну Бибергаль, он томился по ней, когда был в тюрьме, и о ней плакал герой рассказа...» [\[1\]](#).

«Мужик/старец/странник» – так в романе назывался Распутин Григорий Ефимович. Ещё одним реальным историческим персонажем А. Варламова является Григорий Распутин. В «Мысленном волке» его встречают Р¹в, Василий Христофорович Комиссаров, Уля и Вера Константиновна. В всех эпизодах он упоминается без имени: его называют просто «мужик», «старец» или «он». Обращение «мужик» встречается 86 раз, «старец» – 11 раз, а «странник» – 25.

Первое упоминание «мужика» в романе связано с Комиссаровым и историей появления Ули, ребенка которого предсказал «мужик» бездетной семье. Комиссаров узнает о первом покушении на Распутина и размышляет о том, что не от ножа сумасшедшей «бабы» тот должен был умереть, а далее «представляется» герою «где и когда, в каком часу» умрет бродяга: «Но отчего такая нехорошая, постыдная кончина живота у мужика случилась? Ладно б убили на темной дороге в глухую осеннюю либо стылую зимнюю ночь лихие люди, разбойники, тати, на которых креста нет...» [\[3, с. 137\]](#). Футурологическое прозрение об исходе жизни Распутина подается в романе как некое «странное» ощущение, настигшее героя. Прозорливость самого «старца» подается в романе с одной стороны как некая мистическая способность, при этом соблюдаются все атрибуты: туманность, недосказанность пророчеств о самом себе, о судьбе царской семьи, о России. Эти «прозрения будущего» можно воспринимать и в мистическом ключе, как действительную способность «старца» или случайное предчувствие героя, а можно в этом увидеть авторскую игру с временными пластами романа: предощущение будущего героем – это уже свершившийся факт для автора, но нуждающийся в некотором осмыслении с помощью художественных средств, которыми располагает роман. Об этой игре свидетельствует и появление еще одного героя, дяди Тома, который в разговорах с Комиссаровым «проговаривается» о том, что он некий посланец из будущего.

Таким образом, в романе «Мысленный волк» в рамках художественного романного дискурса происходит переосмысление материала биографий, созданных Варламовым ранее. Межтекстовые связи биографий и романа демонстрируют авторскую установку Варламова на воссоздание той действительности, которую он не смог изобразить в рамках документального биографического повествования. Несмотря на совпадение фактического материала Варламов устанавливает дистанцию между изображаемыми в романе героями и их прототипами, дает им новые имена, помещает в несколько иные событийные контексты. Так, на грани вымысла и исторического, реального подтекста создается художественный мир романа. Тем не менее, на наш взгляд, именно биографическая подоплека становится немаловажным элементом для понимания жанровой полифонии романа. Биографизм, который придает героям Варламов, становится тем стержнем, на который нанизываются вымышленные события и в рамках

которого существуют вымышленные персонажи. При этом, например, биография старца, прототипом которого стал Распутин, мифологизируется даже не столько по стандартам изображаемой эпохи, сколько по законам современного автору представления о нем («Когда я стал заниматься Распутиным, я понял, что его нельзя изъять из русской истории, без него невозможно объяснить ни Серебряный век, ни революцию, ни раннюю советскую эпоху» [2]). Следуя отдельным биографическим данным прототипов героев, Варламов создает иное повествование, в котором биография не является ни рамочным компонентом, ни автономным жанром, но является некой парадигмой для сюжетного строения романа. И уже в этой парадигме каждый из героев волен высказывать свои идеи, спорить о настоящем и будущем России, наблюдать эпоху исторических социальных переворотов и войн.

Библиография

1. Варламов А. Н. Александр Грин. М.: Молодая гвардия, 2005. 450 с. URL: Александр Грин-Художественная литература (azbyka.ru) (дата обращения: 18.04.24).
2. Варламов А. Н. «Без Распутина невозможно объяснить русскую историю» // Афиша Воздух. Москва. 2014. 30 июня. URL: <https://daily.afisha.ru/archive/vozduh/books/bez-rasputina-nevozmozhno-obyasnit-russkuyu-istoriyu/> (Дата обращения: 06.06.2024)
3. Варламов А. Н. Мысленный волк: роман. Москва: Изд-во АСТ, 2022. 508 с.
4. Варламов А. Н. Пришвин. «ВЕБКНИГА», 2021. Жизнь замечательных людей (Молодая гвардия). 357 с.
5. Варламов А. Н. Пришвин, или Гений жизни. Биографическое повествование // Октябрь, 2002, № 1-2. – URL: <http://magazines.russ.ru/october/2002/1/var.html> (Дата обращения: 21.01.2024).
6. Гарипова Г. Т. Принципы миромоделирования в русской прозе XX века (неклассическая парадигма художественности): дис. ... д. филол. н. Владимир. 2021. 612 с.
7. Еркина В. И. Образы поэтов «Серебряного» века в романе А. Варламова «Мысленный волк» и их характеристика в контексте ницшеанской философии // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 2(75). С. 357-358.
8. Клабукова Ю. В. Историческое прошлое России в художественно-философском осмыслении А. Варламова в романе «Мысленный волк» // Успехи современной науки. 2016. Т. 3, № 5. С. 82-85.
9. Кротова Д. В. Образ революции в романе А.Н. Варламова «Мысленный волк» // Литература и революция век двадцатый. Москва : ЛИТФАКТ, 2018. С. 159-167.
10. Латынина А. Кто управляет историей? Заметки о романе Алексея Варламова «Мысленный волк» // Новый мир. 2014. № 9. С. 180-188.
11. Маглий А. Д. Оглянувшись в будущее. Беседу вела А. Маглий // Вопросы литературы. 2016. № 5. С. 114-138.
12. Мескин В. А. «Мысленный волк» Алексея Варламова как опыт символистского романа // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2017. № 1. С. 55-65.
13. Солдаткина Я. В. Творческое наследие А.П. Платонова и семантико-эстетические поиски современной русской прозы (А. Н. Варламов «Мысленный волк», А. В. Иванов «Ненастье») // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2016. № 1. С. 45-54.
14. Ходасевич В. Конец Ренаты // Брюсов В. Огненный ангел. СПб.: Северо-Запад. 1993. С. 21.
15. Шпачекова З. С Алексеем Варламовым не только о русской литературе... // Русский язык в центре Европы. Ассоциация русистов Словакии. Братислава. 2021. С. 41-51.
16. 李勇. 普里什文作品中的生态文学思想及其浪漫主义气质[J]. 江苏社会科学, 2013,(04):149-154.-Ли

Юн. Экологическая литературная мысль и романтический темперамент в произведениях Пришвина. Социальные науки провинции Цзянсу, 2013, (№04): 149-154.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Анализ прозы Алексея Варламова процесс весьма непростой, даже сложный и неоднозначный. Критические наблюдения, которые касаются это автора, немногочисленны, они, порой имеют несколько описательный характер, серьезной оценки выявить и увидеть не получается. При этом вариатив наблюдений явно должен быть сформирован, так как выстроенный конструктивный диалог позволяет верифицировать прозу Алексея Варламова в нужном смысловом русле, определить ряд магистральных / канонических принципов организации художественного полотна. Автор статьи отмечает, что «роман «Мысленный волк» А. Варламова открывает широкое поле для исследований...». Трудно с этим не согласиться, так как многоступенчатая структура этого текста объективна. Системная оценка критических наблюдений позволяет «прощупать» то, что еще не было обозначено применительно к этому конструкту: «современные исследователи рассматривают тему революции и исторического прошлого в романе [9, 8]). Различным аспектам поэтики романа посвящены работы Я. Солдаткиной (творческое наследие А. Платонова в творчестве Варламова) [13], В.И. Еркина (о прототипах в романе) [7]. Осмыслению романа с точки зрения «конструирования особых «мысленных» мирообразов» посвящен раздел исследования Г.Т. Гариповой [6]. В.А. Мескин соотнес сюжетно-композиционную структуру и мотивный уровень текста с символистской поэтикой начала XX века – Ф. Сологуба, В. Брюсова, но прежде всего с поэтикой автора «Петербурга» А. Белого [12]». Считаю, что ссылки / отсылки к работам критического порядка оформлены верно, фактические вариации даны объективно и точно. Сразу же хочу отметить, что в статье отмечена важность «продуктивности диалога между автором [писателем] и реципиентом»: «Алексей Варламов предоставляет читателю и исследователю уникальную возможность наблюдать, как на базе жизненного материала, исторической реальности рождается художественная действительность, преломленная в сознании художника слова», или «Варламов подробно остановился на автобиографической подоплеке романов, которые пишут его герои – реальный и вымышленный. И здесь в романе возникает любопытный мотив жизни как текста, как творческого действия столь важного для Серебряного века. В. Ходасевич, современник эпохи Серебряного века, оставивший ценнейшие воспоминания, говорит об общей установке писателей: «Здесь пытались претворить искусство в действительность, а действительность в искусство. События жизненные, в связи с неясностью, шаткостью линий, которыми для этих людей очерчивалась реальность, никогда не переживались, как только и просто жизненные; они тотчас становились частью внутреннего мира и частью творчества. Обратное: написанное кем бы то ни было становилось реальным, жизненным событием для всех...» и т.д. Наличие ссылок обязательно для научного труда, это учитывает исследователь, объем оппозиционных вариаций, на мой взгляд, достаточен: «через апокалиптический запал Пришвин попал в тюрьму и едва не сошёл с ума, чуть-чуть руки на себя не наложил и, исцелённый природой и Ефросиньей Павловной, трезво смотрел на вещи, будучи в этом совершенно одиноким. Русскую интеллигенцию тянуло к сектантам (там была свежая кровь) ...» [4, с. 88]. В романе автор несколько сгущает ситуацию, показывая, что жизни героя угрожала серьезная опасность: «Легкобытов был схвачен в числе других сотрудников эсеровской газеты

«Воля народа», и всех этих людей было решено для устрашения интеллигенции взять в заложники и в случае необходимости расстрелять» [3, с. 493]» и т.д. Статья имеет стандартно жанровый вид, научная новизна сводится к малой степени рассмотрения ведущего вопроса, актуальность определяется эффектом (пост) возникающего желания и прочесть текст, и коснуться анализа его художественных граней. Стиль сочинения соотносится с собственно научным типом, логика оценки выверена на протяжении всего текста: например, «подробное описание в биографии Грина его «взаимоотношений» с революцией: «Нечто подобное – «преступление и наказание» – выпало в молодости и на долю самого Грина, только, отшатнувшись от призрака революции, он ушёл совсем в другую сторону. Однако тема прихода и ухода из революции стала для Грина одной из самых важных, можно сказать, родовых. Как родовая травма» [1]. В романе заменяется довольно лаконичным и, можно сказать, ироничным перечислением: «Вслед за семьёй и гимназией пришла очередь армии, тюрьмы и прочих общественных институтов...» [3, с. 416]» и т.д. Материал удобно использовать в вузовской практике при изучении новейшей прозы, текстов Алексея Варламова: собственно это и определяет практическую значимость этой работы. Считаю, что и выводы, по тексту рациональны, они созвучны основному блоку: «в романе «Мысленный волк» в рамках художественного романного дискурса происходит переосмысление материала биографий, созданных Варламовым ранее. Межтекстовые связи биографий и романа демонстрируют авторскую установку Варламова на воссоздание той действительности, которую он не смог изобразить в рамках документального биографического повествования. Несмотря на совпадение фактического материала [,] Варламов устанавливает дистанцию между изображаемыми в романе героями и их прототипами, дает им новые имена, помещает в несколько иные событийные контексты. Так, на грани вымысла и исторического, реального подтекста создается художественный мир романа. Тем не менее, на наш взгляд, именно биографическая подоплека становится немаловажным элементом для понимания жанровой полифонии романа...». Общие требования издания учтены, серьезная правка текста излишня. Отмечу, что не в полной мере [что разумно, и сложно] задачи исследования решены, цель достигнута. Список источников достаточен, номинатив / жанровый предел разнообразен. Статья «Прототип в романе А. Варламова «Мысленный волк» может быть допущена к публикации в журнале «Филология: научные исследования». При этом правку можно внести в название, оставив, например, такой вариант – «Система прототипов романа Алексея Варламова «Мысленный волк»: режим дешифровки».